

ИСТОРИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH173558-567>

Шехмагомедов Магомед Гаджиевич

научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

shehmagomedov.magomed@yandex.ru

КРИТИКА ЛЖЕШЕЙХСТВА В ДАГЕСТАНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧ. XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ СОЧИНЕНИЯ ХАСАНА-ХИЛМИ АЛ-КАХИ «ДУРРА АЛ-БАЙДА’ ФИ РАДДИ-Л-БАДА’ ВА-Л-АХВА’»)

Аннотация: В статье на основе краткого источниковедческого анализа арабоязычного сочинения известного дагестанского суфийского шейха Хасана-хилми ал-Кахи «*Дурра ал-байда’ фи радди-л-бада’ ва-л-ахва’*» («Ослепительная жемчужина в опровержение новшеств и прихотей») раскрывается суть внутрисуфийской полемики, происходившей в Дагестане между представителями различных суфийских братств в конце XIX – первой трети XX в. Эта полемика выражалась во взаимной критике и обвинении некоторых суфийских деятелей в «лжешейхстве». Инициаторами полемики чаще всего выступали представители Махмудийской ветви накшбандийского братства, а их оппонентами были представители Халидийской ветви, которая на тот период была представлена наибольшим числом последователей. Одним из самых активных участников внутрисуфийской полемики стал накшбандийский шейх Хасан-хилми ал-Кахи. В сочинении «*Дурра ал-байда’ фи радди-л-бада’ ва-л-ахва’*» ал-Кахи впервые выступил с резкой критикой в адрес некоторых дагестанских суфиев, которые, по его мнению, не имея соответствующей инвеституры, неправомерно занимаются наставнической деятельностью и тем самым дискредитируют суфийское учение. Там же ал-Кахи впервые предпринял попытку классифицировать «дагестанских лжешейхов». Этой проблеме он посвятил еще несколько своих более поздних произведений, в которых обобщил и дополнил свои идеи, при этом его позиции по некоторым вопросам и сама риторика довольно сильно меняются. Критика ал-Кахи вызвала ответную реакцию со стороны его оппонентов. Указанная проблема также нашла отражение в арабоязычных полемических сочинениях других дагестанских суфийских авторов того периода. Исследование данного вопроса является важной частью изучения истории распространения и развития суфизма в Дагестане.

Ключевые слова: суфизм; накшбандийа; ал-Кахи; критика; лжешейхство; полемика; Дагестан.

HISTORY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH173558-567>

Magomed G. Shekhmagomedov,
Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
shehmagomedov.magomed@yandex.ru

“FALSE SHEIKH” CRITIQUE IN DAGESTAN IN THE END OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES (ON THE EXAMPLE OF THE WORK OF HASAN-HILMI AL-KAKHI “DURRA AL-BAYDA’ FI RADDI-L-BADA’ WA-L-AHWA”)

Abstract. Based on a brief source analysis of an Arabic-language work of a prominent Dagestan Sufi sheikh Hasan-Hilmi al-Kakhi “Durra al-bayda’ fi raddi-l-bada’ wa-l-ahwa” (A shining pearl for refutation of innovations and whims), the article reveals the essence of an inter-Sufi dispute between the followers of different Sufi brotherhoods, which took place in Dagestan in the end of the 19th – early 20th centuries. This dispute was expressed in mutual criticism and accusations of some Sufi figures of being “false sheiks”. The polemics were mainly initiated by the representatives of the Mahmudiyya branch of the Naqshbandi brotherhood; their opponents were the representatives of the Khalidiyya branch, which at that time amounted the largest number of followers. One of the most active participants in the inter-Sufi polemics was the Naqshbandi sheikh Hasan-Hilmi al-Kakhi. In his work “Durra al-bayda’ fi raddi-l-bada’ wa-l-ahwa” al-Kakhi strongly criticizes some Dagestani Sufis, who, in his opinion, illegally engage in mentoring activity without the appropriate investiture, and thereby discredit the Sufi teaching. In the same work, al-Kakhi first attempted to classify the “Dagestani false sheikhs.” He devoted several more of his later works to this issue, in which he generalized and supplemented his ideas, while his positions on some issues and the rhetoric itself changed greatly. Al-Kakhi’s criticism provoked a backlash from his opponents. This problem was also reflected in the Arabic-language polemical works of other Dagestan Sufi contemporaries. The study of this issue is an important part in revealing the history of the spread and development of Sufism in Dagestan.

Keywords: Sufism; Naqshbandiyya; al-Kakhi; criticism; false sheikhs; polemics; Dagestan.

Период, начиная с 20-х гг. XIX в. до первой трети XX в., ознаменовался бурным развитием суфизма на территории Северного Кавказа, в частности в Дагестане, где различные суфийские братства последовательно наращивали свое влияние. На начальном этапе народно-освободительное движение горцев Северного Кавказа проходило под флагом мюридизма, и одним из его идейных вдохновителей и тарикатским наставником первого имама Дагестана и Чечни Газимухаммада ал-Гимрави (ум. 1832) был известный накшбандийский шейх Мухаммад ал-Йараги (ум. 1838). Однако еще в самом начале указанного периода наметилось противостояние между представителями различных суфийских ветвей, которое зачастую проявлялось в виде богословской полемики, находившей свое отражение в трудах суфийских авторов. Многие из этих внутрисуфийских источников были выявлены сравнительно недавно, и на сегодняшний день лишь малая часть из них изучена. Большинство этих ценных источников до сих пор не становилось объектом специального исследования, хотя важность их для освящения обозначенной проблематики трудно переоценить.

Внутрисуфийское противостояние заключалось во взаимных претензиях между представителями различных суфийских братств, когда одни оспаривали право других вести наставническую деятельность. По мнению некоторых специалистов, истоки полемики и взаимной критики между дагестанскими суфиями берут свое начало в первой половине XX в. [1; 2], или же вообще наметились лишь в советский период [3]. Однако, на наш взгляд, эта проблема была актуальна в местной суфийской среде еще с первой половины XIX в. Так, между известным суфийским шейхом, наставником и тестем имама Шамиля Джамалуддином ал-Газигумуки (ум. 1866) и другим религиозным деятелем и суфием Ташав-хаджи ал-Индири (ум. 1845–1846) произошел известный конфликт. Причиной тому, согласно посланию (*рисала*) под названием «Многочисленные вопросы из отдаленных мест», адресованного Ташав-хаджи шейху Джамалуддину ал-Газигумуки, стала борьба за сферу влияния. Когда он захотел направить одного из своих преемников для наставления мюридов в регион, где этим уже занимался Ташав-хаджи, последний решительно выступил против, утверждая, что шейх Мухаммад ал-Йараги выдал ему «абсолютное разрешение» (араб. *иджаза мутлака*) на воспитание мюридов вплоть до крепости Анапа [4, с. 63].

В дальнейшем, по мере распространения суфийских сетей на территории Дагестана, идеологические расхождения между представителями различных суфийских братств, конкурировавших друг с другом за сферу влияния стали лишь усугубляться. Богословская полемика в основном происходила между представителями ветви Накшбандийа-Халидийа, которая занимала лидирующее положение в Дагестане по числу своих последователей с 60-х гг. XIX в., и представителями другой накшбандийской ветви Халидийа-Махмудийа, которая начала распространяться на территории Дагестана чуть позднее, через преемников известного суфийского шейха Махмуда ал-Алмали¹ (1810–1877).

1 Из селения Алмалы, ныне в составе Кахского района Республики Азербайджан.

Соперничество между двумя ветвями братства началось, когда шейх Махмуд ал-Алмали попытался найти себе учеников в авароязычных районах Центрального и Северного Дагестана. Тогда ему действительно удалось привлечь к себе некоторых суфиев, изначально принадлежавших к дагестанской ветви Халидийа, восходящей через Абдуррахмана ас-Сугури к Джамалуддину ал-Газигумуки [5, с. 28]. Пик этого противоборства приходится на период от самого конца XIX в. до 30-х гг. XX вв. Именно этим периодом датируется большинство полемических трудов дагестанских суфиев [6, с. 24]. Причем инициаторами критики чаще всего выступали именно приверженцы ветви Махмудийа. Например, на обвинения в «лжешейхстве» накшбандийским шейхом Шуайбом ал-Багини² (ум. 1911) другого известного дагестанского суфия и мухаджира Шарापуддина ал-Кикунни³ (ум. 1936) его последователь Мухаммад ал-Хабши⁴ написал небольшое послание под названием «*Макалат ал-валийи ал-Хабши Мухаммад б. Ахмад ли масаили ал-'ариф Шуа'йб афанди ал-Багини*» («*Высказывания вали Мухаммада сына Ахмада ал-Хабши на вопросы ариффа Шуайба-эфенди ал-Багини*») [1, с. 174].

Именно Шуайб ал-Багини был одним из первых, кто обрушился с критикой в адрес «лжешейхов» в своем арабоязычном сочинении «*Табакат ал-хваджакан ан-накибандиййа ва-с-садат машаих ал-халидиййа ал-махмудиййа*» («*Поколения накшбандийских наставников и шейхов братства Халидийа-Махмудийа*»). Указанное сочинение ал-Багини написано в характерном для мусульманской литературы жанре «*табакат*» (жизнеописание личностей), в данном случае в жанре суфийского «*табакат*» (*табакат ал-хваджакан*), представляющего собой хронологически упорядоченное описание биографий шейхов из священной цепи духовной преемственности братства Халидийа-Махмудийа. В своем сочинении автор делит шейхов Дагестана на три категории, один параграф работы посвящен тем, кто необоснованно претендует на шейхство. По словам Шуайба ал-Багини, «многие из них не имеют ни знаний, ни наставника, ведущего по правильному пути, и в то же время они наставляют других в тарикате, и таких следует причислить к лжешейхам» [7, с. 38]. Дальнейшее развитие идеи Шуайба ал-Багини получили уже в произведениях его преемника (*ма'зун*), выдающегося дагестанского суфия, шейха Хасана-хилми сына Мухаммада ал-Кахи (1852–1937 гг.)⁵.

Хасан-хилми ал-Кахи был одним из наиболее ярких представителей мусульманской духовной элиты дореволюционного Дагестана. Его перу принадлежит наибольшее число трудов по суфизму [8, с. 80]. Особое место в богатом творческом наследии Хасана-хилми ал-Кахи занимает именно проблема «лжешейхства». Этой теме ал-Кахи посвятил ряд своих трудов, в том числе «*ал-Джавхара ан-нафиса фи ат-тарика ан-накибандиййа*» («*Драгоценный жемчуг в*

2 Из селения Багини, ныне в составе Чародинского района Республики Дагестан.

3 Из селения Кикунни, ныне в составе Гергебильского района Республики Дагестан.

4 Из сел. Хабши, ныне в составе Буйнакского района Республики Дагестан.

5 Из сел. Кахиб, ныне в составе Шамильского района Республики Дагестан.

поддержку накшбандийского тариката») и наиболее известное из его трудов «Танбих ас-саликин ила гурур ал-муташайихин» («Предостережение вступившим на путь [познания] от обмана лжешейхов») [9].

Данное исследование представляет собой краткий источниковедческий обзор еще одного произведения ал-Кахи под названием «ад-Дурра ал-байда фи радди ал-бида' ва-л-ахва'» («Ослепительная жемчужина в опровержение новшеств и прихотей») [10], которое также было посвящено критике «лжешейхства». Это относительно небольшое по объему сочинение до недавнего времени было известно лишь крайне ограниченному кругу читателей. Одна из причин этому, на наш взгляд, наличие более поздних и фундаментальных трудов ал-Кахи, посвященных критике «лжешейхства», в том числе упомянутое сочинение «Танбих ас-саликин или гурур ал-муташайихин». Причем это самое объемное и популярное из его произведений, составление которого, согласно колофону автографа сочинения, было завершено автором в начале 1907 г., тогда как сочинение «ад-Дуррат ал-байда' фи радди ал-бида' ва-л-ахва'», было написано им еще в начале 90-х гг. XIX в.

Сочинение «ад-Дуррат ал-байда' фи радди ал-бида' ва-л-ахва'» представляет особый интерес как одно из первых из трудов Хасана-хилми ал-Кахи, самого активного и «плодотворного» участника богословской полемики, происходившей в суфийской среде Северного Кавказа в указанный период. Интерес к сочинению заключается в том, что идеи ал-Кахи, впервые изложенные в его сочинении «ад-Дуррат ал-байда' фи радди ал-бида' ва-л-ахва'», были им обобщены и нашли свое отражение в более поздних работах автора, посвященных критике «лжешейхов». При этом обращает на себя внимание то, что некоторые взгляды и оценки ал-Кахи с течением времени довольно сильно меняются, иногда диаметрально. К примеру, в сочинении «ад-Дуррат ал-байда' фи радди ал-бида' ва-л-ахва'», ал-Кахи, вполне позитивно оценивая деятельность двух известных в Дагестане накшбандийских шейхов линии Халидийа Абдуррахмана-хадж ас-Сугури (ум. 1882 г.) и его преемника Ильяса ал-Цудакари (ум. 1904) и признавая их истинными шейхами, пишет: «Шейх Ильяс ал-Цудакари, который при жизни Абдуррахмана ас-Сугури стал его преемником, сказал в своей книге «Суллам ал-мюрид»: «Знайте, любимые братья и друзья, у моего наставника и опоры религии шейха Абдуррахмана-хаджи ас-Сугури имелось разрешение на наставничество от накшбандийских шейхов, а также шейхов кадирийского тариката» [9, с. 51–52]. Однако уже в сочинении «Танбих ас-саликин ила гурур ал-муташайихин» («Предостережение мюридов от обмана лжешейхов») ал-Кахи причисляет Абдуррахмана ас-Сугури к числу «лжешейхов», что, соответственно, ставит под сомнение и «легитимность» Ильяса ал-Цудакари как суфийского шейха.

Структурно «ад-Дуррат ал-байда' фи радди ал-бида' ва-л-ахва'» состоит из введения (*мукаддима*) и двадцати девяти глав (*абваб*). Каждая глава посвящена изложению одной позиции «лжешейхов» и последующему ее опровержению. Сочинение написано в жанре традиционной мусульманской полемической литературы (*радд*, мн.ч.-*рудуд*).

В вводной части ал-Кахи объясняет, что основной причиной, побудившей его к написанию данного сочинения, стало то, что «истинные шейхи в Дагестане стали неприметны по той причине, что самозванцев (*муташайхун*) объявилось множество и таким образом, своей деятельностью они дискредитируют суфизм как учение» [9, с. 10]. По его мнению, «лжешейхов» интересует никак не наставление паствы, а другие более земные цели в виде личного обогащения или повышения собственного авторитета среди народа.

В своей работе ал-Кахи впервые делает попытку классифицировать дагестанских «лжешейхов». Автор перечисляет более десятка категорий «лжешейхов», которые ведут свою «преступную» деятельность в «селах и городах Дагестана». Перечисляя категории «лжешейхов», он исходит из принципа от частного к общему, не придерживаясь при этом каких-либо строгих критериев. Так, по словам ал-Кахи, некоторые из них утверждают, что их наставником является сам пророк Мухаммад, от которого они получают познания без всяких посредников, другие, что духовная субстанция какого-нибудь совершенного шейха дала ему разрешение на наставничество» [9, с. 10]. Еще одна категория «лжешейхов», согласно ал-Кахи, чтобы оправдать свою деятельность руководствуются собственными суждениями, утверждая, «что наставление заблудших является делом, восхваляемым в шариате, а его деятельность заключается именно в этом, и что нет в том никакого запрета».

Признавая, что среди неправомерно занимающихся обучением мюридов, есть и те, кто в действительности получили право на наставничество от своего шейха, ал-Кахи, однако, указывает на то, что таковые зачастую обучают не так как это делал их наставник, дают задания (*вирд*) ученикам по собственному усмотрению, не считаясь ни с какими нормами и правилами накшбандийского тариката.

Также в отдельную категорию «лжесуфиев» ал-Кахи включил тех, кто обучает своих мюридов «богопомятию» (*зикр*) на расстоянии и тем самым нарушает один из главных принципов суфийского учения, согласно которому духовное обучение у шейха должно происходить очно.

В некоторых случаях чтобы показать суть «лжесуфиев», ал-Кахи приводит курьезные случаи, не раскрывая при этом личности действующих лиц. К примеру, автор описывает «чудотворства» одного «самозванца», который, по его словам, не имея разрешения от истинного наставника, выдавал себя за суфийского шейха, к тому же обладающего даром провидения: «И даже есть свидетели тому, что у одного из таких была жена, которая выходила встречать каждого, кто издалека приходил к ее мужу с намерением вступить в ряды мюридов. Она всячески препятствовала тому, чтобы пришедший без предупреждения заходил к шейху, объясняя это тем, что он не может его принять сразу, так как в данное время занят богослужением. Пока гость ждал приема, женщина расспрашивала его, разузнавая, откуда он прибыл, как его зовут, обучен ли он грамоте и так далее. Затем она тайком проходила в келью мужа и передавала ему все добытые ею сведения о мюриде. После чего «шейх» торжественно выходил

встречать гостя, издалика приветствуя его и называя его по имени и отчеству, указывая его село и восхваляя его знания. Изумленный гость, естественно, предполагал, что «шейх» узнал все о нем благодаря своему дару провидения и проникался к нему искренним почтением и убеждением, а затем рассказывал об этом чудесном случае на всех собраниях» [9, с. 14].

Ал-Кахи сетует, что из-за «лжешейхов» мусульмане в селах Дагестана, многие из которых «являются сведущими в науках и старательны в богослужении», становясь мюридами самозванцев, лишаются возможности «познания истины», которое могли бы получить, вступив на путь тариката под руководством истинных накшбандийских шейхов.

В контексте внутрисуфийской полемики было несколько вопросов, вокруг которых главным образом шла дискуссия. Естественно, важнейшим из них был вопрос духовной преемственности и получения наставнической инвеституры (*иджаза*) от шейхов, признанных во всем суфийском сообществе, и недозволенности заниматься наставнической деятельностью тем лицам, которые не имеют такой *иджазы*, причем обязательно в письменной форме. Именно этого принципа придерживались шейхи Махмудийской ветви, тогда как их оппоненты халидийские шейхи считали достаточным передачу *иджазы* в устной форме в присутствии свидетелей [11, с. 38]. В своем сочинении ал-Кахи также уделяет, этому вопросу особое внимание, прилагая все усилия для опровержения позиций «лжешейхов» и разоблачению их деятельности, которая, по его мнению, является преступной не только с точки зрения суфизма, но и в целом противоречит устоям шариата.

Опровергая позицию некоторых «лжесуфиев» о том, что разрешение на наставничество во сне им дал сам пророк Мухаммад, ал-Кахи приводит в качестве довода слова одного из самых авторитетных мусульманских богословов, автора известных трудов по суфизму ‘Абд ал-Ваххаба аш-Ша‘рани (ум. 1565 г.): «Если появятся таковые и скажут, что видели свет, переполнявший горизонт, и слышали голос, звучавший со всех сторон, который говорил: «Внемли тому, что повелевает тебе мой пророк и посланник», то они могут говорить правду, иначе такие люди наглые лжецы» [9, с. 28]. По мнению ал-Кахи, *иджаза* непосредственно от пророка Мухаммада – очень редкое явление, которого достойны лишь немногие. Учитывая факт всеобщего падения нравов среди своих современников, ал-Кахи подвергает сомнению вероятность общения их с пророком.

Чтобы придать дополнительный вес своим доводам по данному вопросу, ал-Кахи ссылается на заключения известных мусульманских правоведов, представляющих различные мусульманские правовые школы, таких как Ахмад ибн Хаджар ал-Хайтами (ум. 1567), Мухаммад ал-Фаси (ум. 1337), Ибн ал-Хаджа ал-Малики (ум. 1433) и других, которые также заключают, что «встреча при жизни с пророком Мухаммадом – исключительно редкое явление, и мало кто из живых этого удостоивается, особенно среди обладающих современными нравами» [9, с. 26].

Ссылаясь не только на суфийских авторов, но и на заключения некоторых известных мусульманских богословов-правоведов, ал-Кахи указывает, что про-

блема «лжешейхсва» носит не только сугубо суфийский характер, но отчасти касается правоведов и кадиев, в компетенцию которых входит «наставление заблудших».

Еще одной темой, вокруг которой было «сломано немало копий» в контексте внутрисуфийской полемики, стали разногласия по поводу формы поминания Бога (*зикр*). Некоторые дагестанские суфии, в основном относившие себя к линии Халидийа, допускали использование в ритуальной части громкого *зикра*, считая, что обучение тайному *зикру* неподготовленного мюрида является запретным с точки зрения накшбандиского тариката. Некоторые из этой же линии вообще выступали против посвящения неподготовленных людей в накшбандийский тарикат, считая это уделом избранных. Последователи линии Махмудийа, к которым относился ал-Кахи, напротив утверждали, что такая позиция не соответствует правилам накшбандийского тариката, согласно которому использование громкого *зикра*, то есть богопомятия совершаемого языком вообще, не практикуется. По словам ал-Кахи, «лжешейхи» придерживались такого воззрения лишь для своего прикрытия, будучи не в состоянии предъявить разрешение от истинных шейхов. Суфизм как учение, призванное лечить духовные недуги, предназначено в первую очередь именно простым обывателям, которым такие болезни присущи чаще всего. По его мнению, *аят* из Корана: «О те, которые уверовали! Поминайте Аллаха многократно и славьте Его утром и перед закатом»⁶, является главным доводом тому, что помянуть Аллаха может каждый правоверный мусульманин. При этом ал-Кахи обращает внимание читателей на то, что в данном *айте* Всевышний Аллах не сказал: «О, праведники, поминайте Аллаха».

Помимо опровержения позиций своих оппонентов, большое внимание ал-Кахи уделяет разъяснению вопросов, касающихся ритуальной практики, к которым, как отмечает известный востоковед Ш. Шихалиев, в конце концов сводилось основное содержание внутрисуфийской полемики. Большую часть сочинения богослов посвятил освещению основ суфийской обрядовой практики, которых, согласно его мнению, «абсолютно не придерживаются дагестанские «лжешейхи». Желая придать силу своим аргументам, каждый из них он подкрепляет ссылками на труды авторитетных суфийских авторов и призывает своего условного оппонента обратиться к этим источникам. Поэтому сочинение включает в себя огромное количество цитат и выражений, взятых из различных суфийских трудов. К примеру, довольно часто ал-Кахи, цитирует знаменитый труд имама Абу Хамида Мухаммада ал-Газали (ум. 1111г.) «*Ихйа' 'улум ад-дин*» или сочинение «*ал-Минан ал-кубра*» известного средневекового мусульманского богослова и суфия Абд ал-Ваххаба аш-Ша'рани (ум. 1565 г.), причем зачастую с указанием томов и страниц цитируемого текста.

Помимо классических трудов суфийских авторов ал-Кахи часто ссылается на труды современников, в том числе известных татарских суфийских шейхов и

⁶ Коран. 14:33. Здесь и далее нами был использован перевод Корана выполненного Османовым М.-Н.О. См. Коран / Пер. с араб. комм. Османова М.-Н.О. 3-е изд., перераб., доп. СПб, 2010.

богословов Мурада ар-Рамзи (ум. 1934) и Мухаммад Закира ал-Чистави (ум. 1893).

Особое внимание ал-Кахи придает мнению своих духовных наставников – известных дагестанских суфийских шейхов Абдуррахмана ал-‘Асали (ум. 1907), Шуайба ал-Багини и Сайфуллы-кади Башларова (ум. 1919). Указанные шейхи оказали огромное влияние на его творчество. Все они, являясь представителями ветви Махмудийа и распространяя свое влияние на территории Дагестана, вынуждены были вступать в полемику с представителями других ветвей. В этой связи для ал-Кахи было крайне важным мнение современников, особенно своих духовных наставников, и по завершении *«ад-Дурра ал-байда’ фи раддаш-шубах ва-л-ахва’»* он отправил свое сочинение на рецензию именно к ним, надеясь на самые лестные отзывы.

Однако, в отличие от своих духовных наставников, в том числе шейха Шуайба ал-Багини, Хасан-хилми ал-Кахи более категоричен и экспрессивен в своих оценочных суждениях и критике оппонентов, что вызывало ответную реакцию. В сочинении *«ал-Джавхара ан-нафиса фи и’анаат-тарика ан-накибандийа»* ал-Кахи указывает, что причиной его написания стал ответ некоего богослова Али-хаджи ал-‘Убухи⁷ на работу *«ад-Дурра ал-байда’ фи радд аш-шубах ва-л-ахва’»* [9, с. 275].

Не все работы вызывали реакцию, *«Танбих ас-саликин ила гурур ал-муташаййихин»* (*«Предостережение идущих по пути (муридов) от обмана лжесуфиев»*), составленное им гораздо позднее, осталось без ответа, несмотря на его тенденциозность и популярность самого ал-Кахи в религиозно-интеллектуальных кругах. Об этом, в частности, свидетельствует наличие большого количества рукописных копий указанного сочинения, в составе частных рукописных коллекций.

В целом, указанные произведения ал-Кахи, в том числе *«ад-Дурра ал-байда’ фи раддаш-шубах ва-л-ахва’»*, во многом определили дальнейший характер и содержание богословской полемики, происходившей в Дагестане между представителями различных суфийских братств в начале XX в. В своем сочинении ал-Кахи обозначил наиболее острые дискуссионные темы в контексте указанной полемики.

Подробный анализ произведений ал-Кахи, в том числе его сочинения *«ад-Дурра ал-байда’ фи радд аш-шубах ва-л-ахва’»*, помогает лучше понять процессы, протекавшие в религиозной жизни мусульман Северного Кавказа в поздний имперский период, а также в период установления советской власти. Кроме того, как отмечает З. Ибрагимова, рассуждения о правомочности духовных наставников, различные дискуссионные вопросы о легитимности тех или иных положений в исламе продолжают быть основными темами богословского диспута и в настоящее время [2, с. 38]. Поэтому изучение именно местных арабоязычных источников по указанной проблематике, в частности внутрисуфийского происхождения, со временем только обретают свою актуальность.

7 Из с. Обох, ныне в составе Гунибского района Республики Дагестан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. *Ибрагимова З.Б.* Дискурс дагестанских богословов по проблеме «лжешейхства». Краткий экскурс в историю вопроса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2017. – С. 176–179.
2. *Ибрагимова З.Б.* Продолжение богословской полемики начала XX в. в дагестанских арабографических сочинениях советского периода // История, археология и этнография Кавказа. – 2018. – Т. 14. – № 3. – С. 34–39.
3. *Роцин М.Ю.* Современный суфизм в Дагестане // Отечественные записки. 2003. № 5(14). [Internet]. (дата обращения 23.02.2021) Доступно по ссылке: <https://strana-oz.ru/2003/5/vozrozhdenie-sufizma-v-dagestane>.
4. *Ханмурзаев И.И., Кидирниязов Д.С.* К вопросу о датировке смерти шейха Ташава-хаджи ал-Индири // Исламоведение. – 2017. Т. 8. № 3. С. 61–70.
5. *Kemper M.* Khalidiyya Networks in Dagestan and the Question of Jihad // *Die Welt des Islams* (Leiden). 2002. Vol. 42. No. 1. P. 41-71.
6. *Абдулмажидов Р.С., Шехмагомедов М.Ш.* Апологетика и критика суфизма в Дагестане в начале XX века // Вестник Московского университета. Сер. Востоковедение. 2019. № 1. С. 23–38.
7. *Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш.* Чудотворство святых в дагестанском арабоязычном суфийском биографическом сочинении «Табакат ал-хваджакан ан-накшбандийа вас адат машаих ал-халидийа ал-махмудийа» Шуайба ал-Багини // Исламоведение. 2011. 4 (10). С. 37–43.
8. *Шихалиев Ш.Ш.* Дагестанская суфийская литература в XIX – начале XX. Краткий обзор. *PaxIslamica*. 2009. № 2 (3). С. 63–89.
9. *Хасан-хилми б. Мухаммад ал-Кахи.* Ад-Дурра ал-байда фи радди ал-бида' ва ал-ахва'. Махачкала, 2011. С. 412 (на араб.яз.)
10. *Хасан-хилми б. Мухаммад ал-Кахи.* Танбих ас-саликин ила гурур ал-муташийихин. Дамаск, 1996. С. 448 (на араб.яз.)
11. *Шихалиев Ш.Ш., Закиров А.Д.* Духовные связи суфийских шейхов Зайнуллы Расулева и Сайфуллы-кади Башларова. Проблемы востоковедения. 2016. № 3 (73). С. 35–40.

1. *Ibragimova ZB.* Discourse of Dagestani theologians on the problem of “false sheikhs”. A brief introduction to the history of the issue. *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University*, 2017:176-179. (In Russ)
2. *Ibragimova ZB.* The continuation of the theological discourse of the early 20th century in the Dagestan arabographic works of the Soviet period [Prodolzhenie bogoslovskoi polemiki nachala KhKh v. v dagestanskikh arabograficheskikh sochineniyakh sovetskogo perioda]. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2018, 14(3): 34-39. (In Russ)
3. *Roshchin MYu.* Modern Sufism in Dagestan [Sovremennyi sufizm v Dagestane]. *Otechestvennye zapiski*. 2003, 5(14). Available from: <https://strana-oz.ru/2003/5/vozrozhdenie-sufizma-v-dagestane>. (In Russ)
4. *Khanmurzaev II, Kidirniyazov DS.* On the dating of the death of Sheikh Tashav-haji al-Indiri [K voprosu o datirovke smerti sheikha Tashava-khadzhi al-Indiri]. *Islamovedenie*. 2017, 8(3): 61-70. (In Russ)
5. *Kemper M.* Khalidiyya Networks in Dagestan and the Question of Jihad. *Die Welt des Islams*. Leiden. 2002, 42(1): 41–71.
6. *Abdulmashhidov RS, Shekhmagomedov MSh.* Apologetics and criticism of Sufism in Dagestan at the beginning of the 20th century [Apologetika i kritika sufizma v Dagestane v nachale XX veka]. *Bulletin of Moscow University. Oriental studies*. 2019, 1: 23-38. (In Russ)
7. *Musaev MA, Shikhaliev ShSh.* The miracles of the saints in the Dagestani Arabic-speaking Sufi biographical work “Tabakat al-khwajakan an-nakshbandiyya vas adat mashaykh al-khalidiyya al-mahmudiyya” by Shuayb al-Bagini [Chudotvorstvo svyatykh v dagestanskom araboyazychnom sufiiskom biograficheskom sochinenii «Tabakat al-khvadzhan an-nakshbandiia vas adat mashaikh al-khalidiia al-makhmudiia» Shuaiba al-Bagini]. *Islamovedenie*. 2011, 4(10): 37–43.
8. *Shikhaliev ShSh.* Dagestan Sufi literature in the XIX – early XX. Short review [Dagestanskaya sufiiskaya literatura v XIX – nachale XX. Kratkii obzor]. *Pax Islamica*. 2009, 2(3): 63-89.
9. *Hasan-hilmi b. Muhammad al-Kakhi.* *Ad-Durra al-bayda fi raddi al-bida' wa al-ahwa'*. Makhachkala, 2011:412. (in Arabic).
10. *Hasan-hilmi b. Muhammad al-Kakhi.* *Tanbih al-salikin ila gurur al-mutashayyikhin*. Damascus, 1996:448. (in Arabic).
11. *Shikhaliev ShSh, Zakirov AD.* Spiritual ties of Sufi sheikhs Zainulla Rasulev and Sayfulla-qadi Bashlarov [Dukhovnye svyazi sufiiskikh sheikhov Zainully Rasuleva i Saifully-kadi Bashlarova]. *Problems of Oriental Studies*. 2016, 3(73): 35–40.

Статья поступила в редакцию 01.04.2021 г.

Статья принята в печать 03.08.2021 г.